

"СТРАШЕН ЦАРЬ ПЕТР": ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В КУЛЬТУРЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (1860 – 1880-Е ГГ.)*

© 2008 О.Б.Леонтьева

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г.Самара

Статья посвящена проблемам исторической памяти в российской культуре 1860 – 1880-х гг. Как показывает автор, фигура Петра Великого была одним из центральных образов в историческом сознании того времени; дискутируя о Петре и его преобразованиях, деятели культуры проецировали ценности, надежды и опасения своего собственного времени на Петровскую эпоху. В результате в отечественной культуре пореформенной эпохи сформировался глубоко противоречивый, амбивалентный образ Петра Великого – труженика и угнетателя, народолюбца и деспота, учителя и палача; этот двойственный образ стал отражением ценностных конфликтов пореформенного общества. *Исследование подготовлено при поддержке фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung), Дюссельдорф, Германия, грант № AZ 21/SR/05.

Историческая память составляет неотъемлемый смысловой пласт культуры любого человеческого общества: она "связывает... вчера и сегодня, формируя и удерживая в живой памяти существенные воспоминания и опыт, включая в сдвигающийся вперед горизонт настоящего образы и истории иного времени и порождая тем самым надежду и память"¹. В этом отношении историческая наука и исторические жанры в художественной культуре выполняют сходную миссию: создание и сохранение в общественном сознании памяти о событиях прошлого, которая призвана обеспечить коллективную самоидентификацию.

Способы и формы сохранения исторической памяти в науке и искусстве различны: наука стремится к получению верифицированного и логически непротиворечивого знания о прошлом, искусство – к сотворению исторического мифа, устойчивого образно-символического представления о прошлом. Но в том и другом случае историческая память представляет собой не воспроизведение событий прошлого "как они были на самом деле", но, скорее, их интерпретацию и переосмысление. "Вспоминая" историческое событие или явление, мы рассказываем о нем на языке нашего поколения, помещаем образы прошлого в тот смысловой контекст, который определяется нормативами и ценностями нашей собственной культуры².

В силу этого реконструкция знаний о прошлом и образов прошлого, существовавших в памяти той или иной эпохи, позволяет нам изнутри понять мир культурных предпочтений и ценностных конфликтов не только "вспоминавшегося" времени, но и – главным образом – времени "вспоминающего". Так, если в общественном сознании соседствуют несколько конкурирующих исторических нарративов, где одни и те же события включены в различный контекст, а художественные образы одних и тех же исторических персонажей диаметрально противоположны по эмоциональной окраске – это верный показатель, что в данном обществе соперничают несколько ценностных систем, несколько проектов коллективной идентичности. Особым интересом для исследователя обладают также преднамеренные отступления от фактической достоверности в художественных произведениях о прошлом: в таких случаях ценностные предпочтения создателя произведения и особенности той интеллектуальной традиции, к которой он принадлежал, выступают наиболее рельефно.

Часть I // Неприкосновенный запас. – № 40 – 41 (2 – 3/2005); Хаттон П. История как искусство памяти / Пер. с англ. – С.-Пб.: 2003; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. – М.: 2001; История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П.Репиной. – М.: 2006; Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. – М.: 1997; Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л.П.Репиной. – М.: 2003; Феномен прошлого / Под ред. И.М.Савельевой, А.В.Полетаева. – М.: 2005.

¹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. – М.: 2004. – С.15.

² Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. – М.: 2004; Хальбвакс М. Коллективная и историческая память.

Одним из примеров сознательного сотворения исторического мифа в художественной культуре пореформенной России может служить "Хованщина" М.П.Мусоргского – своеобразный опыт историософского размышления о судьбах России в форме музыкально-драматической хроники. Известно, что Мусоргский, который сам был либреттистом своей оперы, тщательно прорабатывал историческую основу либретто, но допускал намеренные отступления от фактической достоверности ради достоверности художественной³. Так, в кульминационном эпизоде четвертого действия, когда стрельцы приходят к князю Хованскому с мольбой о защите от "рейтаров и петровцев", тот в ответ скорбно отвечает: "Помните, детки, как мы по щиколку в крови Москву от врагов лихих оберегали и соблюли? Нынче не то: страшен царь Петр!.. Прощайте, прощайте..."⁴.

Безусловно, Мусоргский допустил здесь умышленную хронологическую вольность. В год гибели Хованских – 1682 – Петру Алексеевичу было 10 лет, и едва ли царь-ребенок, изолированный в Преображенском, мог быть страшен для матерого стрелецкого "бати"; инициатива расправы над Хованскими принадлежала царевне Софье. Но, по всей видимости, для композитора было принципиально важно, чтобы именно Петра назвали в опере виновником гибели стрельцов и раскольников. Многозначительная и грозная в своей лаконичности реплика "Страшен царь Петр" адресовалась не только стрелецкому хору на сцене, но, прежде всего, зрителям оперы – современникам Великих реформ Александра II. Музыкально-драматическое действие тем самым включалось в контекст дебатов об историческом значении правления Петра Великого, которые столь бурно разгорелись в российском обществе 1850 – 1880-х годов.

Образ Петра Великого являлся одним из центральных, узловых образов исторического сознания в российской культуре пореформенной эпохи. Гигантская фигура первого российского императора притягивала к себе интерес не только профессиональных историков: к теме петровских реформ и петровского наследия активно обращались политические деятели, пуб-

лицисты, писатели, поэты и художники. Эпоха Петра стала "актуальным прошлым", к которому постоянно апеллировали при обсуждении насущных вопросов современности; она была "зеркалом прошедшего времени", в которое охотно смотрелась эпоха Великих реформ.

Но в то же самое время восприятие Петра Великого в пореформенной культуре было далеко не однозначным. Как писал в фундаментальном исследовании американский историк Н.Рязановский, "на смену спорадическим и слабо обоснованным нападкам на первого императора в эпоху российского Просвещения и энергичной, но узко сектантской критике со стороны славянофилов пришел гораздо более широко распространенный и детальный критицизм... Вновь были поставлены проблемы жестокости, издержек, негативных или, по меньшей мере, сомнительных результатов реформ, совершенных ценой невероятного напряжения сил – но теперь они были более тщательно обоснованы, и к ним присоединились многочисленные новые обвинения"⁵.

Одной из важнейших тем, которая неотступно возникала в дебатах о Петре Первом, была проблема политической необходимости и моральной оправданности жестоких расправ царя-реформатора над его противниками. И, разумеется, перед каждым, кто обращался к истории Петра, вставал вопрос: прав ли был Петр, осудив на смерть собственного сына и наследника, царевича Алексея?

Представление о том, что Петр Первый был вынужден совершить "авраамово жертвоприношение" – пожертвовать собственным сыном ради успеха реформ и блага страны, вошло в обиход русской культуры еще в XVIII веке, во многом благодаря самому Петру, который был склонен трактовать свои деяния "в их символическом значении" и активно формировать мифологию своего правления⁶. В историографии XVIII и первой половины XIX веков поступок Петра, "заглушившего чувства отца перед глазом отечества", интерпретировался в духе классической трагедии – как единственно достойное разрешение конфликта между чувством и

³ Фрид Э. Прошедшее, настоящее и будущее в "Хованщине" Мусоргского. – Л.: 1974. – С.82 – 84.

⁴ "Хованщина" М.П.Мусоргского. Оперное либретто. Изд. 2-е. – М.: 1975. – С.50.

⁵ Riasanovsky, N. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. – N.Y.: – Oxford: Oxford University Press, 1985. – P.152 – 153.

⁶ Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. – М.: 2002. – С.77, 97 – 98.

долгом⁷. Но к началу эпохи реформ Александра II столь простые и однозначные решения уже не могли удовлетворить образованных современников, стремившихся к переосмыслению и моральной переоценке русского прошлого, к "суду над историей".

Показательно, что общественная дискуссия о Петре и Алексее открылась с началом эпохи гласности в России. В 1858 году А.И.Герцен опубликовал в "Полярной звезде" предоставленное М.И.Семевским "зловещее и сильное" письмо А.Румянцева к Д.И.Титову, датированное 1718 годом (большинство историков считали и считают это письмо подложным), с подробным рассказом о тайном убийстве царевича Алексея Петровича, совершенном по приказу Петра в каземате Петропавловской крепости. По свидетельствам современников, рукописные копии этого письма ходили по рукам за несколько лет до публикации⁸. Публикация румянцевского письма прозвучала как вызов правительственной идеологии: на протяжении ста сорока лет официальная версия событий гласила, что царевич Алексей Петрович скончался от апоплексического удара в самый момент оглашения смертного приговора.

В том же 1858 году историограф Н.Г.Устрялов наконец-то добился разрешения на публикацию своей "Истории царствования Петра Великого", с невероятными трудностями пробивавшейся через николаевскую цензуру⁹. Шестой том этого издания, целиком посвященный делу царевича Алексея, вышел в свет в 1859 году. В целом, Устрялов видел свою миссию в том, чтобы объективно и бесстрашно

излагать факты, избегая моральных оценок и широких историософских обобщений. И все же, царевичу в этой работе была дана негативная характеристика (практически полностью почерпнутая из показаний самого Алексея Петровича от 22 июня 1718 г., написанных им собственной рукой – но, вероятно, под диктовку следователей – через три дня после пытки): "...Оставленный таким образом без надзора, царевич окружил себя монахами; сам он свидетельствует, что попы и чернецы были его собеседниками; в кругу их он возненавидел все, что ни любил отец, новая столица была ему ненавистна: иногда он воображал, что Петербург провалится; иногда говаривал, что оставит его немедленно, как скоро будет царем. Царевна Мария Алексеевна, суеверная и неприязненная брату, распалила ум племянника тайными видениями. Царица-мать также действовала на сына чрез своих родственников и друзей, в особенности чрез брата своего Авраама Лопухина. Но главным виновником несчастного настроения его был Александр Кикин: некогда любимый денщик государя, впоследствии адмиралтейец, человек умный и бойкий, он из видов любостыжания втерся к царевичу и представлял дела отца в ненавистном виде"¹⁰.

Включение в текст этого фрагмента позволило историку надлежащим образом (так, чтобы лишний раз не смущать цензуру) расставить в своем повествовании смысловые акценты: моральная ответственность за трагическую судьбу Алексея Петровича возлагалась на самого царевича, равно как на интриганов и ретроградов из его окружения. Одновременно Устрялов предпринял попытку очистить Петра Первого от предъявленного ему в "Полярной звезде" обвинения: в "Приложениях" к шестому тому было еще раз опубликовано письмо А.Румянцева к Д.И.Титову с комментарием Устрялова, подробно объяснявшем читателю, почему это письмо можно считать подделкой. Слухи о тайном убийстве Алексея по приказу Петра Устрялов считал необоснованными; согласно версии Устрялова, царевич скончался в каземате вследствие пытки¹¹.

Таким образом, решительный Герцен и осторожный Устрялов сделали общее дело:

⁷ Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. В 2 ч. – Петрозаводск: 1997. – С.502.

⁸ Убиение царевича Алексея Петровича. Письмо Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу // Полярная звезда: Журнал А.И.Герцена и Н.П.Огарева. В 8 кн. Кн.4: Полярная звезда на 1858. – М.: 1967. – С.279 – 287. Упоминания о рукописных копиях письма см.: Семевский М.И. Царевич Алексей Петрович. 1690 – 1718 // Русское слово. – № 1. 1860. – С.50; П. [Пекарский П.П.] Сведения о жизни и смерти царевича Алексея Петровича // Современник. – № 1. 1860. – С.96.

⁹ О тех препятствиях, которые весьма изобретательно чинила Устрялову цензура, чтобы избежать огласки "нежелательных" сюжетов из истории правящей династии, см.: Бушкович П. Историк и власть: дело царевича Алексея (1716 – 1718) и Н.Г.Устрялов (1845 – 1859) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология / Сост. М.Дэвид-Фокс. – Самара: 2000. – С.80 – 120.

¹⁰ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т.6: Царевич Алексей Петрович. – С.-Пб.: 1859. – С.17 – 18.

¹¹ Там же. – С.280 – 294, 626 – 628.

трагическая история конфликта Петра I и его наследника, окутанная облаком версий, гипотез и домыслов, стала теперь достоянием общест-венности. О том, насколько велик был интерес читающей публики к этой теме, можно судить по тому факту, что за 1859 – 1860 годы письмо Румянцева перепечатали по меньшей мере, че-тыре раза: в "Полярной звезде", в журнале "Ил-люстрация" (публикацию письма, печатавшегося там частями, остановили на середине по тре-бованию цензуры), в шестом томе "Истории" Устрялова и в статье П.П.Пекарского в журнале "Современник"¹².

Сразу же вслед за этими публикациями, в 1859 – 1861 гг., в российской печати разгоре-лась дискуссия о царевиче Алексее; с подроб-нейшими разборами шестого тома устрялов-ской "Истории" выступили М.И.Семевский и М.П.Погодин. Оба – и славянофил Погодин, и тяготевший к народничеству Семевский – не сговариваясь, интерпретировали историю Пет-ра и Алексея как историю тирана и его невин-ной жертвы. Оба они стремились создать в сво-их работах максимально привлекательный портрет Алексея Петровича – добросердечного, хорошо образованного и любившего читать, рассудительного и набожного юноши, "при других обстоятельствах могшаго быть челове-ком замечательным, по крайней мере правите-лем кротким, мирным"¹³. Оба отказывались ви-деть в действиях Алексея состав преступления, который мог бы дать основание для смертного приговора. Оба указывали на чрезвычайную жестокость, с которой велось петровское след-ствие, на бессердечность, "огнеупорность" Пет-ра, который в дни пыток, приговоров и казней хладнокровно занимался текущими делами, подписав, в числе прочих, указ "о собирании натуральных уродов и всяких редкостей"¹⁴. По-зиции историков различались, пожалуй, лишь

по вопросу о том, кого следует считать глав-ным виновником разыгравшейся трагедии. По-годин отстаивал версию, что царевич пал жерт-вой "черного плана" Меншикова и Екатерины I, всячески разжигавших неприязнь отца к сыну. Семевский же, солидаризируясь с А.С.Хомяко-вым, возлагал вину на самого Петра, который "в продолжение нескольких лет сознательно доводил сына до какой-нибудь крайности, что-бы иметь случай от него окончательно отде-латься", и при этом "ловил не одного сына, а готовил общий удар против целой партии"¹⁵.

Следующий шаг на пути развенчания об-раза царя-реформатора был сделан очень скоро. В 1861 – 1862 гг. М.И.Семевский выступил в журналах "Время", "Светоч", "Рассвет", "Иллю-стратор", "Библиотека для чтения" с циклом публикаций по истории петровской эпохи: "Ца-рица Прасковья", "Слово и дело!", "Царица Ка-терина Алексеевна", "Семейство Монсов", "Сторонники царевича Алексея", "Кормилица царевича Алексея". Органично сочетая обшир-ные цитаты из документальных источников и живой, беллетризованный слог повествования, Семевский последовательно и беспощадно вскрывал перед читателем черную изнанку петровской эпохи. Отталкивающие картины нравов "птенцов гнезда Петрова" – "пьянство, разврат, невежество, жестокость до зверства, пошлость характеров, даже и тех лиц, которые служили орудиями великим преобразованиям Петра"¹⁶ – чередовались с леденящими кровь описаниями допросов с пристрастием в застен-ках Розыскных дел тайной канцелярии и жест-токих расправ над недовольными. Петровская Россия на страницах исследований Семевского представляла как царство всеобщего страха, по-дозрительности и доноительства, как огром-ный застенок, где никто – от подъячего до ар-химандрита, от солдатской женки до княгини – не был застрахован от "пытчного обряда": "Аресты... допросы... тюрьмы... дыба... кнут... клещи... жжение живых... плаха... стоны... вопли... мольбы о пощаде... и всюду кровь, кровь и кровь!"¹⁷.

Семевский вынашивал идею составления мартиролага петровского правления: "Хорошо

¹² Подробно история с публикацией этого письма расска-зана у Эйдельмана: *Эйдельман Н.Я.* Герцен против само-державия: Секретная политическая история России XVIII – XIX веков и Вольная печать. Изд. 2-е, испр. – М.: 1984. – С.50 – 84.

¹³ *Погодин М.П.* Суд над царевичем Алексеем Петрови-чем. Эпизод из жизни Петра Великого // Русская беседа. – № 1. 1860. – С.72 – 74; *Семевский М.И.* Царевич Алексей Петрович. – С.7, 20 – 21; цит. С.20 – 21; *Семевский М.И.* Сторонники царевича Алексея (исторический очерк по вновь открытым материалам). 1705 – 1724 // Библиотека для чтения. – 1861. – С.28 – 29.

¹⁴ *Погодин М.П.* Суд над царевичем Алексеем Петрови-чем. – С.84 – 85.

¹⁵ Письмо А.С.Хомякова к М.И.Семевскому цит. по: *Се-мевский М.И.* Царевич Алексей Петрович. – С.49.

¹⁶ *Семевский М.И.* Царевич Алексей Петрович. – С.6 – 7.

¹⁷ *Семевский М.И.* Тайная служба Петра I: Документаль-ные повести. – М.: 1996. – С.277.

бы было, если бы кто-нибудь составил список лиц штрафованных и скасованных, лиц всех сословий, наказанных разными способами и за разные преступления с 1689 года сентября по 1725 год январь. Можно было бы с одного взгляда заметить..., чего стоили России нововведения мудрого, но сурового монарха"¹⁸. Над выполнением этого замысла трудился не только он сам, но и Г.В.Есипов, "трудолюбивый исследователь Петровской старины", опубликовавший несколько документальных очерков о жертвах Преображенского приказа и Тайной канцелярии¹⁹. Как правило, и Семевский, и Есипов писали о невинных жертвах, о людях, подвергнутых страшным наказаниям за поступки, которые, с точки зрения просвещенного человека XIX столетия, нельзя было считать преступлениями: "не только за дело, нет, за слово, полуслово, за мысль "непотребную", мелькнувшую в голове дерзкого", или даже за "поклон не по обряду"²⁰.

Как же повлияли эти публикации на трактовку образа самого Петра I в русской культуре?

Безусловно, общественному сознанию эпохи реформ Александра II требовался свой пантеон героев, свои исторические мифы, с которыми можно было бы соотносить явления современности; в середине 1850-х Петр вполне мог претендовать на роль "культурного героя" – фигура решительного реформатора, смело сокрушавшего пережитки прошлого, не могла не привлекать симпатий общества, жаждавшего перемен²¹. Обнародование румянцевского письма и полемика вокруг него существенно повредили образу Петра в представлениях образованного общества: великий реформатор, создатель новой России предстал перед читателем в отталкивающем облике "пьяного отца", пировавшего со своими клеветами "через несколько часов после того, как задушил изму-

ченного пытками сына"²². Суд Петра I над царевичем все чаще трактовался в российской исторической литературе как суд заведомо неправедный. Ему противопоставлялся "высший суд, суд потомства, суд истории", перед которым "сами судьи, поднятые из гробов, поступают в ряды ими обвиненных" (у Погодина); или же "суд народный, неслышный, невидимый" (у Есипова): "Народ любил царевича... Слухи о пытке царевича вызывали слезы в избе простолудина и возбуждали негодование на Петра. На Обжорном рынке, в Петербурге, вблизи царского дворца собирался народ толпами, беседовал о царевиче и бранил Петра"²³.

Публикации 1850 – 1860-х гг. с их "обстоятельным и правдивым" рассказом о жертвах репрессивной системы петровских времен, по словам А.Н.Пыпина, "бросили на XVIII век такую мрачную тень, которая естественно стала заслонять самую традиционную славу Петра Великого". История стрелецких казней, картины "повседневной работы" Преображенского приказа и Тайной канцелярии выстраивались в мрачный ряд свидетельств "о безграничной свирепости правления и о полной подавленности общественного чувства и личного достоинства"²⁴; дело царевича Алексея стало восприниматься не как нечто исключительное, а как одно из звеньев в бесконечной цепи насилия. "Петр I – самый полный тип эпохи, или призванный к жизни гений-палач, для которого государство было все, а человек ничего" – афористически сформулировал А.И.Герцен²⁵.

Естественно, действие рождало противодействие, и в начале 1860-х годов в печати один за другим появлялись труды, посвященные полемике с "порицателями" Петра Великого. Их авторы стремились доказать, что Петр был не более жесток, чем его современники-европейцы; что противники царя-реформатора вполне заслужили свою участь, поскольку стремились возродить "старую веру, старый домострой, старую дикость, старую тупость,

¹⁸ Семевский М.И. Царевич Алексей Петрович. – С.46.

¹⁹ Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. В 2 т. – С.-Пб.: 1861 – 1863; Он же. Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. – С.-Пб.: 1880.

²⁰ Семевский М.И. Тайная служба Петра I. – С.292, 208 – 213.

²¹ См., напр.: Огарев Н.А. Что бы сделал Петр Великий? [1856 или 1857] Публикация С.Переселенкова // Литературное наследство. Т.39 – 40: А.И.Герцен. – М.: 1941. – С.317 – 322.

²² Герцен А.И. Россия и Польша // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т.14. – М.: 1958. – С.48.

²³ Погодин М.П. Суд над царевичем Алексеем Петровичем. – С.1; Есипов Г.В. Кабачок "Мартышка" // Есипов Г.В. Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. – С.126 – 127.

²⁴ Пыпин А.Н. Новый вопрос о Петре Великом // Вестник Европы. – № 5. 1886. – С.324 – 325.

²⁵ Цит. по: Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. – С.50.

старую жалкую, полуазиатскую Московию"; что, наконец, цель оправдывает средства, так как речь шла о "борьбе света с мраком, гения с тупоумием, просвещения с невежеством"²⁶. Но в умы читателей невольно закрадывались сомнения: "Может ли вообще быть благим тот результат, который приобретался такою ценою и не подрывалось ли этим само будущее развитие?"²⁷.

Емким и колоритным отражением этих сомнений стало написанное в 1861 году стихотворение А.К.Толстого "Государь ты наш батюшка...", где реформы Петра были отображены следующим образом: государь Петр Алексеевич изволил заварить в котле кашу из заморской крупы, потому что своя крупа сорная; мешает он эту кашу палкою; выйдет каша крутенька и солоня, а расхлебывать ее будут детушки. По свидетельству современников, строчки из этого стихотворения – "Палкою, матушка, палкою!", "Детушки, матушка, детушки!" – вошли тогда в обиходную речь на правах поговорок²⁸.

Важно отметить, что в исторической литературе 1860-х годов неизменный интерес вызывала тема антипетровской пропаганды в правление Петра I, в особенности известной народной легенды о Петре-антихристе. Героями исторических публикаций (причем, безусловно *положительными* героями) в те годы неоднократно становились, в частности, раскольник-книгописец Григорий Талицкий и монах Варлаам Левин, казненные за публичное обличение "антихриста" в начале XVIII в.²⁹. Просвещенные читатели эпохи Александра II больше не верили в скорое пришествие антихриста, но не могли не сочувствовать людям, отдавшим жизнь за свои убеждения (какими бы странными эти убеждения ни казались). Ото-

ждество же Петра с антихристом – то есть антиподом Христа – приобрело в пореформенную эпоху новый смысл, далекий от эсхатологического: в высокой русской культуре XIX века, несмотря на кризис традиционной религиозности (а, возможно, даже благодаря этому кризису) образ Христа воспринимался прежде всего как олицетворение милосердия и жертвенной любви к людям.

Однако времена, а с ними и исторические мифы, – имеют свойство меняться...

Через десять лет после дискуссии о Петре и Алексее, разгоревшейся в 1859 – 1861 гг., фигура первого императора вновь оказалась в центре общественного интереса: в 1872 году Российская империя торжественно праздновала двухсотлетний юбилей Петра Великого. Празднование далеко не ограничивалось официальными церемониями; по сути дела, петровский юбилей послужил импульсом для переосмысления роли царя-реформатора в российской истории. Аналитические статьи о "петровском наследии" поместили все ведущие российские журналы; крупнейшие российские историки – в том числе С.М.Соловьев и К.Н.Бестужев-Рюмин – выступили с публичными лекциями о Петре³⁰; появление картины Н.Н.Ге "Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе" и статуи Петра I работы М.М.Антокольского также было приурочено к юбилейному году.

На этот раз голоса порицателей Петра Великого были далеко не так слышны, как голоса панегиристов. Представители самых разных направлений общественной мысли развернули между собой борьбу за право считаться идейными наследниками царя-реформатора. Так, обозреватель либерального "Вестника Европы" доказывал, что Петр "нисколько не предназначал для России системы централизации и всепоглощающей бюрократии", а, напротив, "весьма дорожил земским выборным принципом" и намеревался подчинить управление принципам коллегиальности и верховенства закона³¹. Народнический журнал "Дело"

²⁶ *Задлер К.* Опыт исторического оправдания Петра I против обвинений некоторых современных писателей. – С.-Пб.: 1861; *Шишкин И.И.* Панегиристы и порицатели Петра Великого // Русское слово. – № 7. 1861. – С.1 – 24; – № 9. – С.50 – 88; Он же. [Рец. на:] Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии г.Есиповым. Издание Д.Кожанчикова. – С.-Пб.: 1861 // Русское слово. – № 9. 1861. – С.48 – 63.

²⁷ *Пытин А.Н.* Новый вопрос о Петре Великом. – С.325.

²⁸ *Толстой А.К.* Государь ты наш батюшка... // Толстой А.К. Собр. соч. в 4 т. Т.1. – М.: 1969. – С.242 – 243, прим. – С.632.

²⁹ См.: *Семевский М.И.* Тайная служба Петра I; *Есипов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия.

³⁰ *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. – М.: 1989; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Причины различных взглядов на Петра Великого в русской науке и русском обществе // Журнал Министерства народного просвещения. Т.161. – № 5. 1872. – С.149 – 156.

³¹ Государственные идеи Петра Великого и их судьба. – 30-го мая 1672 – 30-го мая 1872 г. // Вестник Европы. – № 6. 1872. – С.770 – 796, цит. – С.773, 777.

поместил прочувствованную статью "Всенародной памяти царя-работника", автор которой превозносил не только гениальный ум и неиссякаемую энергию Петра, но, прежде всего, его трудолюбие и демократизм: молодым "реалистам" и "позитивистам" 1870-х гг., уже готовившимся к "хождению в народ", не мог не импонировать царь, который "собственными руками строил корабли и плотничал, писал для газет и держал корректуры, дергал зубы и руководил войною, знал, как солить огурцы и как лучше делать юфть, какую косою удобнее косить сено и как крестят ребенка в крестьянской семье"³². Даже Н.К.Михайловский, обычно не склонный восхвалять властителей прошлого, сделал исключение для Петра. С точки зрения критика-народника, Петр был велик тем, что сумел "разбудить личность, сбросить с нее старые стихийные оковы", но при этом "не распускал личность, не оставлял ее в безвоздушном пространстве своеволия" – "он сознательно подчинял все личные интересы интересам русского народа". "Служите русскому народу, топите всякие личные интересы в интересах народа, – и вы пойдете по его следам", – заключал властитель дум поколения 1870-х³³.

По всей видимости, столь существенные перемены в восприятии Петра I и петровских реформ были связаны с изменениями общественно-политической и историографической ситуации. В 1850-х – начале 1860-х гг., накануне отмены крепостного права, публицисты и историки осуждали авторитарный и насильственный характер петровских реформ в надежде, что их собственному поколению удастся найти более демократический и гармоничный путь общественных преобразований. К 1872 году, когда с момента отмены крепостного права прошло более десяти лет, когда результаты Великих реформ казались уже не столь впечатляющими, а порожденные реформами социальные противоречия заявляли о себе все громче, реформы Петра стали восприниматься более позитивно, и дифирамбы "царю-работнику", – по тонкому наблюдению Р.Уортмана, звучали теперь скрытым укором в адрес его не столь

энергичного и последовательного преемника – Александра II³⁴.

Кроме того, в течение первого пореформенного десятилетия, в 1863 – 1868 гг., один за другим выходили в свет очередные шесть томов "Истории России" С.М.Соловьева (с тринадцатого по восемнадцатый), посвященные истории петровских реформ. Общественный резонанс, вызванный этой публикацией, был огромен; безусловно, масштабный труд Соловьева на долгое время определил восприятие российским обществом событий родной истории. Последовательно и обстоятельно выстраивая историческую панораму петровского правления, Соловьев доказывал, что реформы явились своевременным ответом на настоятельные потребности страны и эпохи, что они представляли собой "естественное и необходимое явление в народной жизни", и потому Петра невозможно упрекать в том, что он своевольно переломил ход русской истории. Преобразовательная деятельность Петра представляла в многогранной "Истории" Соловьева как своеобразная кульминация, переломный момент всего повествования об историческом пути России. Именно в эпоху Петра, как доказывал историк, "народ малоизвестный, бедный, слабый" поднялся до понимания своего незавидного положения и его причин – и, с помощью энергичного вождя, сделал решающие шаги на пути преодоления причин своей бедности, шаги к современному, промышленному и торговому обществу со светской культурой, наукой и просвещением³⁵.

Но Соловьев не просто выстроил вокруг истории петровских реформ новый нарратив (в соответствии с типологией Х.Уайта этот нарратив можно было бы классифицировать как "роман" – историю победы творческих сил человека над неблагоприятными внешними условиями³⁶). В "Публичных чтениях о Петре Великом" Соловьев нашел удачную стержневую метафору для описания деяний императора: согласно Соловьеву, вся эпоха Петра стала "вели-

³² Шаилов С. Всенародной памяти царя-работника // Дело. – № 7. 1872. – С.301.

³³ Михайловский Н.К. Из литературных и журнальных заметок 1872 года // Стб.647 – 648, 651.

³⁴ Уортман Р. Сценарии власти. Т.2: От Александра II до отречения Николая II. – М.: 2004. – С.173 – 180.

³⁵ Соловьев С.М. Соч. В 18 кн. Кн.9: История России с древнейших времен. Т.17 – 18. – М.: 1993. – С.532 – 533. Ср.: Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. – С.442.

³⁶ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. – Екатеринбург: 2002. – С.27 – 30.

кой народной школой", "школой, взятой в самых широких размерах". Сам же Петр – не получивший в детстве "правильного школьного воспитания", сумел стать "великим народным учителем", который, чтобы "употребить наглядный способ обучения", показывал своим подданным пример делом и "первый подставлял свои могучие плечи под тяжесть"³⁷. (Метафора Соловьева стала популярной, о чем свидетельствует, например, публикация брошюры казанского профессора Соколовского "Петр Великий как воспитатель и учитель народа"³⁸). Успех реформ предстал в таком случае как педагогическое достижение Петра: "Значит, была хорошая школа, хороший учитель и хорошие ученики"³⁹.

Метафора школы и воспитания позволила Соловьеву перевести вопрос о жестокости петровского правления в ироническую плоскость: знаменитую петровскую дубинку историк интерпретировал как воспитательное средство "для взрослых детей", надобность в котором отпадет, как только подданные избавятся от "детских побуждений"⁴⁰. Соответственно интерпретировался и конфликт между Петром и Алексеем: Алексей в трактовке Соловьева предстал как нерадивый ученик "хорошего учителя", домосед и лежебока, "ненавидевший все то, что требовало движения, выхода из привычного положения и окружения"⁴¹.

В исторических произведениях Соловьева конфликт Петра и Алексея превращался не просто в драматическую кульминацию повествования о реформах, но в некий "момент истины", когда Петр был поставлен лицом к лицу перед дилеммой, из которой не может быть этически безупречного выхода – перед страшным выбором между Россией и сыном: "Надобно выбирать: ...или преобразованная Россия в руках человека, сочувствующего преобразованию, готового далее вести дело, или видеть эту Россию в руках человека, который со своими Досифеями будет с наслаждением истреб-

лять память великой деятельности. Надобно выбирать: среднего быть не может... Для блага общего надобно пожертвовать недостойным сыном; надобно одним ударом уничтожить все преступные надежды. Но казнить родного сына!..."⁴².

Настоящей жертвой в таком случае, с точки зрения Соловьева, оказывался не замученный в каземате Алексей, а Петр, вынужденный вынести суровый приговор собственному ребенку: "Тайна его [Алексея] смерти не открыта историей; но открыта тайна отцовских страданий"⁴³.

Своеобразной поэтической иллюстрацией к историческому повествованию Соловьева стала баллада К.Н.Случевского "О царевиче Алексее", где напрямую подчеркивалось, что сделанный Петром выбор поставил его выше обыденных моральных стандартов: "Погубить ли мне Россию или сына? / Бог с ним, с сыном!" – / И поставлен Петр Великий / Над другими исполином! / Как его, гиганта, мерить / Нашим маленьким аршином? / Где судить траве о тыне, / Разрастаясь по-над тыном?"⁴⁴.

Но ставить точку в диспуте о Петре было рано. Представление о Петре как о палаче собственного народа за прошедшие годы успело глубоко укорениться в сознании пореформенного общества. Возражения "панегиристам Петра Великого", образные, и потому особенно мощные по эмоциональному воздействию, звучали уже не только в прессе и в исторических монографиях, но с оперной сцены, со страниц исторических романов, даже с живописного полотна. В "Хованщине" Мусоргского (1872 – 1881) Петр ни разу не появлялся на сцене, но был назван инициатором расправы над главными героями; "петровцы" из Преображенского полка выходили на сцену в неблагодарной роли карателей и были охарактеризованы через напористую и самоуверенную, механически-однообразную мелодию военного марша – как "представители чего-то безликого и жестокого, грубо вторгающегося в [народную] жизнь"⁴⁵. На картине В.И.Сурикова "Утро стрелецкой

³⁷ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. – С.464 – 469, 481, 491, 500 – 501, 507, 509 – 510, 520 – 521, 531 – 534, 558 – 560, 569. Ср.: Соловьев С.М. Соч. В 18 кн. Кн.9. – С.528 – 533.

³⁸ Соколовский И.В. Петр Великий как воспитатель и учитель народа. – Казань: 1873.

³⁹ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. – С.563.

⁴⁰ Там же. – С.560.

⁴¹ Там же. – С.570.

⁴² Соловьев С.М. Соч. В 18 кн. Кн.9. – С.175 – 176.

⁴³ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. – С.571.

⁴⁴ Случевский К.Н. Стихотворения. Поэмы. Проза. – М.: 1988. – С.201.

⁴⁵ Фрид Э. Прошедшее, настоящее и будущее в "Хованщине" Мусоргского. – С.122 – 127.

казни" (1881) Петр фигурировал в качестве распорядителя экзекуции, не способного на сострадание и прощение.

Наконец, в романе Д.Л.Мордовцева с прозрачно-аллегорическим названием "Тень Ирода" (1876) Петр I представал в облике людоеда из страшной сказки: "Великан, которого он [герой романа] видел всходящим из двора, отчасти отвечал идеалу неведомой, страшной силы: нечеловеческий рост, нечеловеческие поступки, нечеловеческое сердце – да, это он, под ногами которого трещит земля и стонут люди... Ох ты, Петр, Петр! Много тобою душ съедено, много... Великан, саженная душа, саженное сердце, злоба саженная!"⁴⁶.

Роман Мордовцева можно считать одним из самых последовательных опытов художественного воплощения антипетровского нарратива в пореформенной культуре. Петру в этом произведении противостоял бесстрашный обличитель "антихриста", правдоискатель и мученик Левин, реальную историю которого за несколько лет до того излагали в своих публикациях Семевский и Есипов. Другой оппонент Петра – царевич Алексей Петрович – был показан в романе не просто как кроткий, почти ангелоподобный юноша, над "добрым лицом" которого "как-то не думалось видеть царскую корону"; он превратился в заступника простого народа, страдальца за правое дело: "Ты не сын мне, говорит, ты не любишь России... Господи! Он-то что ли любит ее, матушку Русь, обездоленную, голодную? Не от него ли она вся в беги ушла, в леса да в дебри поукрылася? Не он ли глумился над нею? А крови-то, крови сколько пролил? Говорят: "Для славы-де царствия российского..." Ежели бы он ей, России, искал славы-то, а не себе только, он не надругался бы над нею, не разорял бы ее, Русь родимую"⁴⁷...

Устами Алексея здесь, безусловно, говорила та демократическая традиция, к которой принадлежал Мордовцев (ученик основоположника народнической историографии – Н.И.Костомарова). Эпоха Некрасова и Перова, Лаврова и Михайловского, чайковцев и землевольцев расставляла свои акценты в восприятии исторических персонажей XVIII века.

Таким образом, в начале 1870-х гг. вокруг фигуры Петра I сложилось несколько соперни-

чающих нарративов, каждый из которых обладал своим образно-метафорическим рядом. Образ великого реформатора, пожертвовавшего собственным сыном ради блага страны, приходил в непримиримое столкновение с образом жестокого деспота, хладнокровно терзавшего своего ребенка и свой народ во имя сомнительных политических задач. При этом контрастирующие образы Петра могли уживаться друг с другом даже в творчестве одного и того же человека. Примером тому может служить одно из самых знаменитых произведений русской исторической живописи...

В 1871 году, накануне юбилея Петра Великого, Н.Н.Ге экспонировал на первой выставке Товарищества передвижников историческое полотно "Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе". Картина вызвала живой интерес публики и множество откликов в прессе; одним из главных показателей успеха стало то, что, по свидетельству В.В.Стасова, Ге шесть раз копировал "Петра I с Алексеем" для различных заказчиков – одну из авторских копий картины приобрел Александр II⁴⁸. (Можно только догадываться, какие мысли навевало созерцание этого полотна императору, чьи отношения со старшим сыном-наследником – будущим Александром III – складывались далеко не идиллически...). Однако диапазон мнений по поводу исторического содержания картины был весьма широк. Как отмечал современник, "Петр Великий – вещь очень, очень выразительная, но взгляды на эту картину расходятся... Всякий видит, и смотрит, и понимает по-своему"⁴⁹.

Полуофициозная газета "Голос" хвалила Ге за "изображение лиц и событий такими, какими они должны были быть в действительности"; "Русский вестник" М.Н.Каткова сетовал на то, что художник слишком явно выразил "свое несочувствие царевичу, как представителю старой допетровской Руси" и тем самым "отступил от роли правдивого, объективного историка"; обозреватель народнического "Дела" явно проецировал на полотно политические реалии России 1870-х: "Вы словно видите чрезвычайно симпатичного, развитого, но полуза-

⁴⁶ Мордовцев Д.Л. Ирод; Тень Ирода. – Ставрополь: 1993. – С.61, 107, 109.

⁴⁷ Там же. – С.31, 33.

⁴⁸ Стасов В.В. Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. – М.: 1904. – С.252.

⁴⁹ П.П.Чистяков – П.М.Третьякову. 2 января 1872 г. // Николай Николаевич Ге. Письма, статьи, критика, воспоминания современников. – М.: 1978. – С.85 – 86.

мученного узника, стоящего перед торжествующим следователем из буржуа, с животными наклонностями станového, заполучившего в свои руки несчастную жертву..."; наконец, М.Е.Салтыков-Щедрин в "Отечественных записках" высказывал убеждение, что, "повидимому, личность Петра чрезвычайно симпатична Ге", ибо "это личность, которой художник не может не симпатизировать даже в ее слабостях и недостатках" – Петр "суров и даже жесток, но жестокость его осмысленна и не имеет... характера зверства для зверства"⁵⁰.

Сам по себе неувидителен тот факт, что полемика вокруг картины Ге выявила и столкнула друг с другом противоположные трактовки образа Петра и его конфликта с наследником, сформировавшиеся к тому времени в сознании образованного российского общества. Важнее, что для самого Ге к моменту завершения работы над полотном вопрос о том, как оценивать действия Петра, оставался открытым, нерешенным.

В автобиографических записках, написанных в 1892 году, Ге признавался: "Десять лет, прожитых в Италии [с 1857 по 1869 гг. – О.Л.], оказали на меня свое влияние, и я вернулся оттуда совершенным итальянцем, видящим все в России в новом свете. Я чувствовал во всем и везде влияние и след петровской реформы. Чувство это было так сильно, что я невольно увлекся Петром и, под влиянием этого увлечения, задумал свою картину"⁵¹... (Отметим: Ге находился за границей именно в то время, когда в российской печати шла бурная дискуссия о Петре и Алексее, когда под напором волны разоблачительных публикаций образ Петра-реформатора стал меркнуть, уступая место образу "гения-палача").

Тем горше было разочарование художника в недавнем кумире, приходившее по мере более глубокого знакомства с историческими реалиями петровской эпохи. "Две картины: "Петр I с царевичем Алексеем" и "Екатерина II во время похорон императрицы Елизаветы", измучили меня, – вспоминал Ге. – Исторические картины тяжело писать... Надо делать массу изысканий, потому что люди в своей общественной борьбе далеки от идеала. Во время писания картины "Петр I и царевич Алексей" я питал симпатии к Петру, но затем, изучив мно-

гие документы, увидел, что симпатии не может быть. Я взвинчивал в себе симпатию к Петру, говорил, что у него общественные интересы были выше чувства отца, и это оправдывало жестокость его, но убивало идеал"⁵².

Безусловно, картина по праву признана шедевром реалистической исторической живописи: Ге изобразил момент напряженной паузы в решающем объяснении, когда бесповоротное решение еще не принято, окончательное слово Петра еще не произнесено, – но, может быть, прозвучит через мгновение ("Картина... дает одну минуту и в этой минуте должно быть все – а нет – нет картины"⁵³, – писал Ге). При этом обе фигуры – отца и сына, судьи и подсудимого – в напряженном молчаливом ожидании обращены не только друг к другу, но и к зрителю (разворот фигуры Петра, лицо потупившего глаза Алексея, угол стола, буквально "указующий" на стоящего перед картиной зрителя). Зритель оказывается третьим, невидимым персонажем, включенным в пространство картины и вовлеченным в ситуацию выбора; именно он должен произнести главное слово в споре Петра и Алексея. Картина Ге предстает в таком случае как своеобразная апелляция к "суду истории", "суду потомства".

Важно отметить, что в период работы над полотном Ге постоянно и тесно общался со знаменитым историком Н.И.Костомаровым – их связывала давняя дружба с тех самых пор, когда Костомаров работал учителем истории в киевской гимназии, где учился Николай Ге. Вскоре после петровского юбилея и экспонирования картины Ге Костомаров начал работу над своей знаменитой серией исторических биографий – "Русской историей в жизнеописаниях ее главнейших деятелей". Жизнеописание Петра I было едва ли не самым обширным разделом этого многотомного труда. Как отметил А.Н.Пыпин, Костомаров в этой книге попытался уравновесить свет и тени в изображении Петра, воздать должное петровским реформам, но не впадать в "фальшивый патриотизм, кото-

⁵² Там же. – С.239.

⁵³ Н.Н.Ге – Т.Л.Толстой. 15 декабря 1892 г. // Николай Николаевич Ге. – С.232. На эту идею Ге, как на выражение его творческого кредо, ссылается С.А.Экштут в статье "И в этой минуте должно быть все..." – *Экштут С.А.* Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории. – С.-Пб.: 2003. – С.225 – 262.

⁵⁰ *Стасов В.В.* Николай Николаевич Ге. – С.231 – 239.

⁵¹ Там же. – С.227 – 228.

рый для достигнутой цели считал бы дозволенным всякие средства"⁵⁴.

Безусловно, Костомаров – всегда искренне восхищавшийся богато одаренными, сильными и яркими натурами, писал ли он о казачьей вольнице или о русской Смуте, – во многом был под обаянием личности Петра I, "человека с неудержимой и неутомимой волею, у которого всякая мысль тотчас обращалась в дело", одаренного "безмерным неутомимым трудолюбием". Но, в то же время, главу о Петре в "Русской истории в жизнеописаниях" можно прочесть как скрытую полемику с Соловьевым: по мнению Костомарова, Петр оказался несостоятельным прежде всего как учитель и воспитатель народа. Да, "во все продолжение своего царствования Петр боролся с предрассудками и злонравием своих подвластных"; но такими средствами борьбы с пороками, как "мучительные смертные казни, тюрьмы, каторги, кнуты, рвание ноздрей, шпионство", "Петр не мог привить в России ни гражданского мужества, ни чувства долга, ни той любви к своим ближним, которые выше всяких материальных и умственных сил". "Много новых учреждений и жизненных приемов внес преобразователь в Россию, новой души он не мог в нее вдохнуть", – подытоживал Костомаров; "деморализующий деспотизм" Петра, подчеркивал он, "отразился зловредным влиянием и на потомстве"⁵⁵.

В описании конфликта между Петром и Алексеем Костомаров стремился соблюсти тот же баланс света и теней, не занимая безоговорочно ни той, ни другой стороны. Ни малейших симпатий у историка не вызывала "мелкая, эгоистическая натура" "бесхарактерного", "жалкого и ничтожного" Алексея Петровича, надевшегося ценой оговора преданных ему людей "купить себе спокойствие и безмятежную жизнь со своей дорогой Ефросинией"⁵⁶, – но, в то же время, Костомаров сурово осуждал кровавое вероломство Петра, который клятвенно обещал простить бежавшего сына и сознательно нарушил свою клятву⁵⁷. Подчеркивая политическую мотивированность выбора Петра (если бы царевич остался жив и заявил свои

претензии на престол, "тогда гибель грозила бы всем петровым сподвижникам и всему тому, что Петр готовил для русского государства") Костомаров, в то же самое время, протестовал против безжалостной логики политической борьбы, гласящей, "что можно делать все, что полезно, хотя бы оно было и безнравственно"⁵⁸.

В финале раздела, посвященного Петру, Костомаров задался ключевым для пореформенной эпохи вопросом: любил ли Петр I свой народ? И дал на него весьма противоречивый ответ: "Петр не относился к этому народу сердечно. Для него народ существовал только как сумма цифр, как материал, годный для построения государства"; и, в то же время, "он любил Россию, любил русский народ, любил его не в смысле массы современных и подвластных ему русских людей, а в смысле того идеала, до какого желал довести этот народ, и вот эта-то любовь составляет в нем то высокое качество, которое побуждает нас помимо нашей собственной воли любить его личность"⁵⁹.

Удивительно, как различно по смыслу, но сходно по настроению звучат признания Ге и Костомарова: один из них "взвизгивал в себе симпатию к Петру", другой, напротив, признавался, что любит Петра "помимо собственной воли". Вынести "приговор потомства" Петру I оказалось сложной, почти непосильной задачей для образованного человека эпохи Великих реформ. Именно потому, что при вынесении этого приговора предстояло сделать выбор между ценностями, равно важными для той эпохи. Что важнее – прогресс или национально-культурная самобытность? Волевой реформаторский курс или уважение к человеческому достоинству и гражданскому выбору? Политическая целесообразность или родительская любовь, милосердие, верность слову? Просвещение или отсутствие угнетения? Развитие государства или благо народа?

По всей вероятности, именно невозможность сделать такой выбор и привела к тому, что в русской культуре пореформенной эпохи сформировался глубоко противоречивый, амбивалентный образ Петра I – труженика и угнетателя, народолюбца и деспота, учителя и палача. При этом отношение российского общества

⁵⁴ Пытин А.Н. Новый вопрос о Петре Великом. – С.325.

⁵⁵ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3 т. Т.3. – Ростов на/Д.: 1995. – С.239 – 241.

⁵⁶ Там же. – С.280, 289, 291.

⁵⁷ Там же. – С.241 – 242, 294.

⁵⁸ Там же. – С.295.

⁵⁹ Там же. – С.243.

к Петру за вторую половину XIX века прошло почти полный цикл эволюции. После волны исторических разоблачений и развенчаний маятник общественного мнения качнулся в сторону осторожно-сочувственного признания исторической необходимости деяний царя-реформатора – и продолжал движение, пока не достиг противоположной крайности.

В 1895 г., на следующий год после воцарения Николая II, автор "Тени Ирода" Д.Л.Мордовцев опубликовал свой новый роман "Державный плотник", посвященный истории правления Петра I: на этот раз он создал торжественно-патетическое повествование о титанических трудах "великодушного государя, доброго гения и славы России". (Невольно напра-

шивается параллель с пушкинскими "Стансами", написанными вскоре после воцарения Николая I и призывавшими молодого императора подражать пращуру – Петру Великому – в трудах, просветительстве и незлопамятности). И у Пушкина, и у Мордовцева образ Петра в данном случае явно выполнял одну и ту же функцию назидательного примера, напоминания о долге властителей перед обществом. Круг замкнулся: чем более осторожной и консервативной становилась власть в России конца XIX в., чем более неопределенными и тревожными казались перспективы развития страны, тем ярче становился романтический ореол, окружавший фигуру Петра I в исторической памяти общества.

"SO TERRIBLE TSAR PETER IS": THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN RUSSIAN CULTURE AFTER THE GREAT REFORMS (1860 – 1880 S)*

© 2008 O.B.Leontieva

Volga Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

The paper is devoted to the problems of the historical memory in Russian culture of the second half of 19th century, after the Great Reforms. The personality of Peter the Great was amongst the main images of the past in the historical meaning of Russian society; historians, publicists, writers and artists discussed Peter's reforms from the perspective of hopes and apprehensions of their own times. In Russian culture of 1860-1880s Peter the Great had been pictured as a toiler and exploiter, democrat and tyrant, teacher and executioner. His ambivalent image mirrored the conflicts of values in Russian post-reform society. *Stipendium AZ 21/SR/05 of Gerda Henkel Foundation, Düsseldorf, Germany.